

Сергей Патрушев

Шах и мат. Игра не по правилам

Сергей Патрушев

Шах и мат. Игра не по правилам

«Автор»

2026

Патрушев С.

Шах и мат. Игра не по правилам / С. Патрушев — «Автор», 2026

Что делает человек, когда жизнь превращается в бесконечный цугцванг, где любой ход лишь ухудшает положение? Сергей знает ответ не понаслышке. Ему двадцать шесть, и он давно смирился с ролью пешки на чужой доске. Им помыкают, его обесценивают, в него не верят. Но порой достаточно одного точного хода, чтобы фигуры на доске судьбы перестроились заново. Когда чаша терпения оказывается переполнена, Сергей решается на бунт — не громкий и разрушительный, а тихий и точный, как хорошо продуманный шахматный дебют. Он оставляет за спиной офисные стены, ядовитые слова и целую жизнь, прожитую в угоду чужим ожиданиям, и отправляется на поиски себя настоящего. Этот путь проведёт его через молчание дачных рассветов, через забытые сны о дедовой мастерской, через мучительные вопросы о предназначении и тихую радость прощения. Ведь настоящая битва разворачивается не за столом переговоров, а глубоко внутри, где предстоит поставить шах и мат собственным страхам и обидам.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Шах и мат. Игра не по правилам

Глава первая. Завеса

Субботнее утро на даче пахло не просто свежестью, а какой-то первозданной, нетронутой тишиной, которая плотной завесой отгораживала этот деревянный домик от всего остального мира. Сергей проснулся не по будильнику, а от того, что солнечный луч, пробившись сквозь неплотно задернутые занавески, настойчиво грел ему щеку. Двадцать шесть лет — возраст, когда, по мнению окружающих, ты уже должен прочно стоять на ногах, но Сергей только вчера понял, что все это время он не стоял, а барахтался в болоте, куда его затянула чужая воля.

Он лежал, глядя в беленый потолок, и прокручивал в голове события пятницы. Еще позавчера он был винтиком, шестеренкой в механизме конторы, которой заправляла Раиса Аркадьевна — женщина с ледяными глазами и вечно поджатыми губами. Она называла его «медленным», «несообразительным», и самым обидным было слово «балласт». Пять с половиной месяцев его держали официально, а остальное время — серой схемой, в сумме почти десять месяцев, где десять из них он, как выяснилось, все-таки проводил на рабочем месте, выполняя поручения, которые никто не хотел брать. Отпуска ему не давали ни разу, мотивируя тем, что «не заслужил». Год без передышки, год без просвета. И все это время внутри копилась не злость даже, а какая-то вязкая, липкая покорность судьбе. «Ты глупый, — звучал в ушах голос бывших однокурсников. — С твоим-то дипломом только курьером бегать. Ничего ты не добьешься, сядешь родителям на шею, так и будешь до тридцати лет жить в своей комнате, мамини котлеты трескать».

Он верил им. Верил до того самого момента, пока не понял одну простую вещь: шахматную партию не обязательно заканчивать разменом фигур, иногда достаточно одного точного хода, чтобы ферзь противника оказался в ловушке. Этим ходом стал разговор в кабинете Раисы Аркадьевны. Когда она в очередной раз начала отчитывать его за опоздание на пять минут, брызжа слюной и трясая перед его носом какой-то ведомостью, Сергей вдруг почувствовал, как спадают оковы. Не было ни дрожи в коленях, ни заискивающей улыбки. Он просто поднял на нее глаза и тихо, почти ласково сказал: «Раиса Аркадьевна, а давайте вы сейчас подпишете мое заявление по собственному, и мы забудем о том, что почти год вы платили мне серую зарплату мимо кассы. Или, как вы говорили, „в конвертике для оптимизации“. Я подсчитал: это чуть больше трехсот тысяч рублей, с которых не уплачен налог. Думаю, в налоговой инспекции будет интересно узнать о вашей маленькой оптимизации, особенно с учетом того, что эти десять месяцев я работал полный день».

Повисла тишина, какая бывает только в центре урагана. Он видел, как багровеет и бледнеет ее лицо, как она открывает и закрывает рот, словно выброшенная на берег рыба. Сергей ожидал крика, угроз, но вместо этого она вдруг как-то сдулась. Вся ее многолетняя уверенность, державшаяся на страхе подчиненных, рассыпалась в прах. «Ты... ты не посмеешь», — прохрипела она. «Еще как посмею, — ответил Сергей, чувствуя, как откуда-то изнутри поднимается небывалая, пьянящая сила. — Двухнедельная отработка? Нет, мы закроем этот вопрос двумя днями. Сегодня и завтра я передаю дела, а в пятницу в обед меня здесь уже не будет». И она подписала. Молча, не глядя на него, словно обожглась. Он переиграл начальство, злую королеву, словно в шахматной партии, и поставил ей мат в два хода.

В пятницу за ним заехал батя. Старенький, выдавший виды «Фольксваген» пах бензином и мятными леденцами. Олег, его младший брат, сидел на заднем сиденье и ухмылялся. «Ну что, Серега, бунт на корабле? Слышал, ты там Наполеоном себя почувствовал», — хмыкнул он, но в глазах его не было насмешки, скорее, плохо скрываемое уважение. Батя, Михаил Иванович, мужчина немногословный, только крепче сжал руль и сказал просто: «Поехали, сынок. Картошка на даче сама себя не окучит, а голова твоя пусть проветрится». И они уехали. Пятница, день, который еще утром сулил ему серую кабалу, к вечеру обернулся запахом разогретого асфальта, мелькающими за окном подмосковными лесами и чувством невероятного, почти неприличного облегчения.

И вот теперь — суббота. Святая, пустая, ничем не занятая суббота. Его первый настоящий выходной, не обремененный мыслями о недоделанных отчетах. Сергей, наконец, встал, сунул ноги в старые шлепанцы и вышел на крыльцо. Участок был залит солнцем. В дальнем углу, возле покосившейся теплицы, Олег уже что-то строгал, а батя возился с мангалом, раздувая угли. От дома тянуло дымком и чем-то сдобным: мама, Ольга Николаевна, хлопотала на кухне.

Атмосфера с самого утра была какой-то предпраздничной. Не было натянутых разговоров, обычных для семейных сборищ, где все ходят вокруг да около, боясь задеть большую тему. Наоборот, новость о смелом увольнении Сергея словно разрядила воздух. Мама только всплеснула руками, узнав подробности, и перекрестилась: «Слава Богу, вырвался из этого змеиного гнезда. Я уж боялась, ты там совсем здоровье подорвешь». Отец, как всегда, перевел все в практическое русло: «Отдохнешь пару недель, а там видно будет. Руки-ноги есть, голова на плечах — не пропадешь».

После полудня начали подтягиваться гости. Первыми приехали Кости. То есть, сначала раздался рев мотора, а потом из-за поворота, поднимая клубы пыли, вылетел новенький внедорожник Константина. Сам Кости, или Костя, был его давним другом, но настоящей душой их семьи была его жена, Мария. Именно ее все звали просто «кости жена Мария», потому что без нее Костя, высокий и немного неуклюжий инженер, терялся в пространстве. Мария же, миниатюрная брюнетка с вечно смеющимися глазами, выпорхнула из машины, держа в одной руке огромный пакет с фруктами, а другой поддерживая их пятилетнюю дочь Софью. Соня сразу же с радостным визгом умчалась вглубь участка изучать кусты смородины, похожая на яркий одуванчик в своем желтом сарафанчике.

Следом из машины грациозно выбралась Екатерина — дочь Марии и Константина от первого брака Марии. Кате было уже двадцать, и она была той редкостной красоты, которая дается не косметикой, а внутренней уверенностью и острым умом. Сергей знал ее с подросткового возраста и всегда немного робел в ее присутствии. За Катей, зевая и потягиваясь, вылез Лев, их восемнадцатилетний сын. Лев был классическим представителем своего поколения: в наушниках, с вечно недовольным лицом и смартфоном в руке, но в душе — добрый и отзывчивый парень.

«Ну, рассказывай, герой! — Мария по-свойски обняла Сергея. — Костя мне все уши прожужжал. Говорит, наш тихоня Серега местного мамонта к ногтю прижал!» Константин довольно загудел басом: «А я что говорил? Я всегда говорил, что у него стержень есть. Просто он его прятал от вежливости». Сергей смущенно улыбался, принимая поздравления. Ему все еще было непривычно ощущать себя не объектом для критики, а центром восхищения. «Да ладно вам, — отмахивался он. — Просто терпение лопнуло».

К обеду отец с Олегом накрыли большой стол прямо под старой яблоней. Мама вынесла свою коронную утку с яблоками, Мария нарезала овощной салат, а Константин занялся шашлыком, колдуя над мангалом с видом заправского шеф-повара. Запах жареного мяса смешивался с ароматом свежей зелени и спелых яблок, создавая тот самый, ни с чем не сравнимый букет дачного застолья.

Наконец, все расселись. Во главе стола, по традиции, сидел отец Михаил. По правую руку от него — мама Ольга, по левую — брат Олег. Сергей, как главный герой этого негласного торжества, устроился напротив. Рядом с ним, друг за другом, разместились Костя и Мария, которые постоянно переглядывались и улыбались друг другу. Маленькая Соня примостилась на коленях у мамы, требуя, чтобы ей немедленно положили «вкусную хлебную корочку». По другую сторону стола сидели Екатерина и Лев. Катя задумчиво крутила в пальцах яблоко, а Лев, отложив, наконец, телефон, с интересом прислушивался к разговору взрослых.

Разговор, как это часто бывает, какое-то время крутился вокруг бытовых мелочей: урожай огурцов, новая машина соседа, планы на лето. Но все чувствовали, что главная тема еще не поднята, что она висит в воздухе, словно спелое яблоко, готовое упасть. И паузу нарушила Мария.

«Сереж, а я вот чего не пойму, — начала она, отпив домашнего компота. — Тебе же все вокруг твердили, что ты не справишься. Что без этой работы ты никто. И образование у тебя, мол, „не то“. Как ты вообще дошел до мысли, что можешь вот так все бросить? Откуда силы взялись?»

Сергей отложил вилку. Он посмотрел на свои руки, которые еще помнили тяжесть офисных папок и прохладу металлической ручки двери, которую он закрыл за собой навсегда. «Знаешь, Маш, — он заговорил медленно, подбирая слова, словно камешки на берегу. — Мне двадцать шесть лет, и я вдруг понял страшную вещь. Я не уважал себя. Совершенно. Я позволял этой... женщине вытирать об меня ноги, позволял так называемым друзьям считать меня дурачком. Я был удобным. Как старая шестеренка в часах: крутится, пока не сломается, и всем плевать, что она уже скрипит и просит смазки».

Он сделал глоток прохладного кваса, чувствуя, как легко ему говорить об этом сейчас, под этой яблоней, в кругу этих людей. «А потом я посчитал. Десять месяцев. Из них почти полгода я работал, как проклятый, без отпуска. И все это время меня кормили обещаниями и унижениями. И знаете, что стало последней каплей? — он усмехнулся. — Не деньги. Не усталость. А фраза. Когда я попросился на два дня к родителям на дачу, помочь бате с крышей, она сказала: „Какая дача, Сергеев? Ты в своем уме? Тебя никто никуда непустит, ты здесь нужен как рабочая единица, а не как мыслитель“. И вот тут у меня в голове что-то щелкнуло. Рабочая единица. Не человек. Не специалист. Единица».

Константин одобрительно крякнул. «В точку! — прогудел он. — Это у них называется „корпоративная культура“. А на деле — рабовладение с кофе-машиной».

«Погоди, Кость, — остановила его Мария. — Дай Сереже закончить».

«А дальше было просто, — продолжил Сергей. — Я вспомнил про серую зарплату. Вспомнил, что официально я получаю копейки, а основная часть шла мимо. И понял, что у

меня в руках не просто козырь, а целый туз. Я ведь не скандалить собирался. Я просто решил, что пришло время уважать свои границы. И когда я сказал ей про налоговую, я не блефовал. Я бы пошел. Потому что нельзя так с людьми».

В наступившей тишине было слышно, как где-то вдалеке кукует кукушка. Отец Михаил, молчавший все это время, тяжело положил свою большую, мозолистую ладонь на стол. «Я тобой горжусь, сын, — сказал он просто, и эти слова, весомее всех остальных, прозвучали как приговор старой жизни и благословение новой. — Не тем горжусь, что ты начальницу напугал, а тем, что спину выпрямил. Уважать себя начал. Это главное».

Лев, который все это время внимательно слушал, даже снял наушники. «Сергей, — вдруг подал он голос, по-юношески ломающийся и немного писклявый. — А это правда было похоже на шахматы? Ну, как в кино?» Сергей повернулся к нему, улыбаясь. «Правда, Лев. Только в шахматах фигуры деревянные, а тут все было из плоти и крови. Но принцип тот же: ты видишь угрозу, просчитываешь ходы и не поддаешься эмоциям. Она думала, что я пешка, которую можно просто так смахнуть с доски. А я сделал ход, которого она не ожидала».

Екатерина, которая до этого молча и пристально смотрела на Сергея, чуть подалась вперед. «А ты не боишься? — спросила она тихо, но ее голос разрезал теплый воздух, словно лезвие. — Ну, что те, кто смеялись над тобой, скажут: „Вот, опять без работы сидит, мы же говорили“?» Ее вопрос не был провокацией, скорее, проявлением ее собственной, внутренней борьбы, о которой Сергей мог только догадываться. Он посмотрел ей прямо в глаза. «Боюсь, Катя. Но это совершенно другой страх. Это не липкий ужас перед начальством, а такой, знаешь, бодрящий холодок перед прыжком в воду. Те, кто смеются, они же проецируют на меня свои страхи. Им сказали, что нужно терпеть, копить, дрожать, бояться остаться без гроша, и они поверили. А я больше в эту игру не играю. Я сам устанавливаю правила. Это и есть начало моей новой жизни».

Мама Ольга, украдкой смахивая слезу, подложила ему на тарелку еще один, самый румяный кусок утки. «Кушай, Сереженька. А то отоцал на своей работе». И этот простой, материнский жест как будто поставил точку в серьезных разговорах. Все вокруг зашевелились, зазвенели бокалами с морсом и компотом, наперебой желая ему удачи и светлого будущего.

Светлое будущее... Сергей откинулся на спинку стула, слушая веселый гвалт, смех маленькой Сони, беззлобные подколы брата Олега над тем, как Лев пытается ухаживать за Катей. Он смотрел на отца Михаила, который с гордостью поглядывал на него, на маму Ольгу, чье лицо наконец-то разгладилось от морщин вечной тревоги, на друзей, которые не отвернулись, а наоборот, сплотились вокруг него. Суббота — день настоящего, глубокого отдыха. Не просто выходной от работы, а отдых от прошлой жизни, от старых обид и чужих оценок. Где-то там, в пыльном городе, осталась Раиса Аркадьевна, скорее всего, звонящая юристам. Остались бывшие коллеги, которые завтра будут судачить о его дерзости. Но все это было уже неважно.

Важно было другое: солнце, пробивающееся сквозь листву яблони, вкус домашней еды и это новое, щемящее чувство в груди. Чувство, что он, Сергей, двадцати шести лет, с «никчемным» образованием, как говорили злые языки, впервые в жизни живет по-настоящему. Он не просто переиграл начальство. Он переиграл саму судьбу, расставив фигуры на своей личной шахматной доске так, как нужно ему. И сегодняшняя суббота, этот тихий праздник под яблоней, была первой страницей его долгого, светлого и никем не прописанного будущего. Он сделал глоток прохладного компота и улыбнулся. Партия только началась.

Глава вторая. Фигуры на доске

Воскресенье наступило тихо, словно сама природа решила не тревожить покой дачного поселка после вчерашнего застолья. Небо затянуло легкой, молочной дымкой, которая обещала к полудню рассеяться и уступить место теплому солнцу. Сергей проснулся с ощущением, которое он не мог сразу идентифицировать. Оно было где-то на границе между легкой тревогой и глубоким, всепоглощающим спокойствием. Только открыв глаза, он понял: это была свобода. Не просто отсутствие необходимости идти на работу, а экзистенциальная, всеобъемлющая свобода, которая пока что ощущалась как новая, не разношенная обувь — красивая, долгожданная, но еще немного жмущая в непривычных местах.

В доме уже пахло кофе и свежими блинами. Мама Ольга, как истинная хранительница домашнего очага, даже на даче не изменяла своему ритуалу воскресного завтрака. Она хлопотала у плиты, тихонько напевая какую-то мелодию из своей молодости, а на столе уже стояла тарелка с горкой румяных, пышущих жаром блинов, сметана в глиняной плошке и малиновое варенье, сваренное прошлым летом. Отец Михаил сидел на крыльце с кружкой кофе и смотрел куда-то вдаль, на верхушки сосен, о чем-то глубоко задумавшись. Брат Олег еще спал, развалившись на старой раскладушке на веранде и укрывшись с головой пледом — сказывалась вчерашняя возня с мангалом и переизбыток свежего воздуха.

Сергей налил себе кофе, взял блин и вышел на крыльцо, сев на ступеньку рядом с отцом. Некоторое время они молчали, наслаждаясь утренней тишиной, нарушаемой лишь пением птиц и далеким стуком колес электрички. Эта тишина между отцом и сыном была не неловой паузой, а знаком высшей степени взаимопонимания. Им не нужно было говорить, чтобы чувствовать поддержку друг друга.

«Батя, — наконец, нарушил молчание Сергей, откусывая блин. — А ты когда-нибудь жалел о чем-то? Ну, о выборе, который сделал?» Михаил Иванович отхлебнул кофе, не спеша с ответом. «Жалел, сынок, — он поставил кружку на перила. — Когда тебе было лет пять, меня позвали в одну очень перспективную фирму, в Москву, с большой зарплатой и карьерным ростом. А у нас тут сад только-только плодоносить начал, мать твоя в положении Олегом ходила, дом надо было достраивать. Я тогда выбрал дом. И знаешь, много лет думал: а что, если бы поехал? Может, вы бы в достатке росли, не считали бы копейки до зарплаты. А потом понял: я бы вас, пацанов, может, и не видел толком. Вырос бы ты не со мной, а с телевизором. Так что нет, не жалею. Жалеть надо о том, чего не сделал, чтобы остаться человеком. А уж кем работать — дело наживное».

Сергей задумался над этими словами. Они были простыми, как и все, что говорил отец, но в них крылась вековая мудрость человека, который прожил жизнь своим умом и своими руками. «Человеком остаться», — повторил он про себя. С Раисой Аркадьевной он поступил жестко, но разве мог он поступить иначе и остаться человеком по отношению к самому себе? Этот вопрос не требовал ответа. Он был риторическим.

После завтрака на даче началось неспешное воскресное движение. Приехали Костя и Мария, но на этот раз без детей. Маленькую Соню оставили с бабушкой, а Катя и Лев, сославшись на какие-то свои молодежные дела, остались в городе. «Мы решили, что тебе нужен не просто отдых, а стратегическая сессия, — объявила Мария, выгружая из машины пакеты с

фруктами и какой-то папкой. — Хватит уже сидеть и рефлексировать. Пора подумать, куда ты свой талант и свободную трудовую книжку отправишь».

Они устроились в беседке, увитой диким виноградом. Константин разложил на столе какие-то распечатки и диаграммы, которые он всю неделю готовил по вечерам. Оказалось, что он, как инженер с аналитическим складом ума, подошел к вопросу трудоустройства друга системно. «Смотри, Серега, — он ткнул пальцем в первую распечатку. — Рынок труда в твоей сфере сейчас на подъеме. Твои навыки, которые эта фурия называла бесполезными, на самом деле очень востребованы. Просто она тебя обесценивала, чтобы ты даже не думал просить прибавки. Вот, я нашел три вакансии, где твой опыт котируется в два раза выше».

Сергей смотрел на цифры, выведенные на бумаге, и чувствовал, как внутри поднимается волна сначала удивления, а потом и злости. Не на себя, а на систему, которая внушила ему, что он ничего не стоит. Два раза выше. В два раза! Получается, почти целый год он, как послушный баран, позволял стричь себя, отдавая свои силы и время за половину их реальной стоимости. «Вот это да, — только и смог выдохнуть он. — Я, если честно, даже и не смотрел пока вакансии. Думал, надо недельку-другую просто отдышаться». «Дышать, конечно, надо, — согласилась Мария, наливая всем чай. — Но и о будущем думать не помешает. Только, Сереж, давай без спешки. Ты сейчас в очень уязвимом положении. Твоя самооценка только-только начала восстанавливаться после токсичной среды. Если сейчас наткнешься на отказ или на такого же начальника, может быть рецидив».

Мария была клиническим психологом и говорила очень точные, выверенные вещи. Сергей понимал, что она права. Его нынешняя эйфория от увольнения — это прекрасно, но она как бенгальский огонь: горит ярко, но быстро гаснет. А дальше нужен ровный, устойчивый свет, который позволит видеть дорогу впереди. «Я понимаю, — кивнул он. — Мне кажется, я пока даже не готов снова идти в офис. В коллектив. В эту вечную гонку, где нужно кому-то что-то доказывать». «А кто говорит про офис? — Костя хитро прищурился. — Ты же можешь работать на себя. Фриланс, частные проекты. У тебя голова светлая, руки золотые, а главное — теперь есть такая мощная мотивация, какой ни у кого нет. Ты просто обязан доказать, в первую очередь самому себе, что все те гадости, которые тебе говорили — это ложь».

Работа на себя. Эта мысль была настолько новой и пугающей, что Сергей сперва отогнал ее, как что-то несбыточное. Но зерно было брошено в почву, и он чувствовал, как оно начинает давать ростки. «А знаешь, что еще важно? — Мария дотронулась до его руки. — Ты должен научиться говорить „нет“. Твоя история с отпуском — это же вопиющий случай. Ты ни разу за все время не пошел на конфликт, не потребовал своего по закону. Ты прогибался, а когда прогибаешься постоянно, ломаешься не ты сам, ломается твоя жизнь. Уважать свои границы — это не хамить, не угрожать налоговой. Это просто уметь сказать: „Нет, это не входит в мои обязанности. Нет, я не буду работать без отдыха. Нет, вы не имеете права так со мной разговаривать“. Угрозы — это крайняя мера. А тебе нужно научиться работать на опережение».

Сергей слушал ее, и перед его мысленным взором проносились сотни ситуаций из прошлого. Сколько раз он оставался сверхурочно, когда коллеги уходили домой. Сколько раз он брался за чужую работу, потому что не мог отказать. Сколько раз он молча глотал обиду, когда его заслуги приписывали другим. Все это было не скромностью, как он думал. Это была трусость и отсутствие уважения к самому себе. И сегодняшний разговор в беседке был для него не менее важным, чем сама пятничная победа над Раисой Аркадьевной. Победа — это яркая

вспышка, а вот эта методичная работа над собой, над своими личными границами — это то, что превратит вспышку в постоянное сияние.

Ближе к обеду, когда солнце уже припекало и дискуссия перешла в более ленивое русло, со стороны калитки послышался робкий шорох. Сергей обернулся и увидел молодого человека лет двадцати, который нерешительно топтался у входа. В руках он держал какой-то сверток. «Вы к кому?» — спросил Сергей, поднимаясь из-за стола. «Здравствуйте, — парень явно смущался. — Простите за беспокойство. Меня зовут Иван. Я из дома напротив, через два участка. Мы с семьей тут отдыхаем. Я услышал от соседей... в общем, говорят, вы тут в шахматы хорошо играете. И в жизни, и на доске. Не могли бы вы... ну, научить меня?»

Сергей опешил. Такого поворота он не ожидал. Слава о его «шахматной партии» с начальством каким-то чудом распространилась по дачному поселку быстрее лесного пожара, обросла слухами и подробностями, и теперь он предстал в глазах незнакомых людей этаким стратегом и мудрецом. Он чуть не рассмеялся, представив, как какой-нибудь дачный кумушка-пензионерка пересказывает историю его увольнения, приукрашивая ее все новыми и новыми деталями. «Научить? — переспросил он. — Да я, честно говоря, не такой уж и мастер. Так, любитель». «Но вы же смогли просчитать на десять ходов вперед и выиграть!» — с горячностью, свойственной молодости, возразил Иван. По его глазам было видно, что он искренне восхищается и жаждет получить хоть крупицу той самой уверенности, которую, как ему казалось, излучает Сергей.

Сергей переглянулся с Костей и Марией, которые с любопытством наблюдали за этой сценой. Мария чуть заметно кивнула ему. И тогда он понял еще одну удивительную вещь. Уважать себя — это не только отстаивать свои границы перед злой начальницей, но и принимать с благодарностью уважение других, даже если ты пока не до конца уверен, что заслуживаешь его. Не отнекиваться, не обесценивать свои достижения словами «да ладно, ерунда». А просто сказать «спасибо» и позволить этому восхищению стать кирпичиком в фундаменте твоей новой самооценки.

«Хорошо, Иван, — Сергей улыбнулся открытой, теплой улыбкой. — Я могу показать тебе пару интересных комбинаций. У меня где-то была доска в сарае. Только у меня будет одно условие». Парень насторожился. «Какое?» «Мы будем играть не просто так. После каждой партии мы будем разбирать твои ошибки. И самое главное правило: в шахматах, как и в жизни, нет безвыходных ситуаций. Есть только позиции, из которых ты пока не видишь выхода. Но он есть всегда. И я тебе это докажу».

Отец Михаил, который как раз вышел из дома за каким-то инструментом, услышал последние слова сына и остановился. На его обветренном лице появилась улыбка. Он ничего не сказал, просто развернулся и ушел обратно в дом, но Сергей успел заметить этот жест. Это было молчаливое отцовское признание того, что его сын начал не просто новую жизнь, но и путь к какой-то очень правильной, осмысленной взрослости. Когда ты не только берешь, но и можешь отдавать. Когда ты сам становишься для кого-то авторитетом и опорой.

И пока Олег, проснувшийся наконец, раздувал угли для нового шашлыка, а Мария с Костей обсуждали, не съездить ли на речку, Сергей сидел в беседке с новым знакомым и расставлял на доске фигуры. Черные и белые, они замерли в ожидании первого хода, словно две армии перед битвой. Но в этой битве не было проигравших. Был процесс обучения, было

наставничество и было чувство, что жизнь, которая еще в пятницу утром казалась конченной, разбитой и унижительной, на самом деле только-только начинает набирать обороты.

«Знаешь, Вань, — задумчиво произнес Сергей, делая первый ход королевской пешкой, — меня вчера сравнивали с пешкой, которую могут просто смахнуть с доски. Но в шахматах есть одно правило, о котором часто забывают. Если пешка доходит до конца поля, она может превратиться в любую фигуру. Даже в ферзя. И, судя по всему, моя партия только начинается». Иван ничего не ответил, он смотрел на доску, просчитывая свой ответный ход, но Сергей знал, что эти слова отпечатались у него в памяти. Потому что сам он запомнил их на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.